

Популярность
Игоря **КОСТОЛЕВСКОГО** - не просто дань восхищения очень красивому человеку. Искусство, которому он служит, много раз проверяло его на прочность: бросало на дно, чтобы потом поднять на вершину. А на вершине были и остаются «Звезда пленительного счастья», «Отпуск за свой счет», «Прости», «Зал ожидания»..., пересматривая которые убеждаешься: у Костолевского следует брать уроки актерского мастерства и человеческого мужества.

Ограничения таланта

— Игорь, как вы считаете, может ли хороший актер плохо играть у плохого режиссера?

— Да, я считаю, что может. Хорошему артисту режиссер нужен вдвойне. Чем больше талант, тем больше он нуждается в ограничении, и когда режиссер точно знает, что хочет, он оставляет необходимое, а ненужное отсекает.

— В ГИТИСе вы учились у Андрея Александровича ГОНЧАРОВА и вот уже много лет работаете с ним в Театре им. Маяковского. У Гончарова режиссера сложный характер?

— Он — Мастер, очень хороший режиссер. Но при этом диктатор, барин, с очень переменчивым, нептимальным характером. Ну... кричит, например. Но когда он не кричит, становится скучно.

— А в кино он вас спокойно отпускал?

— Нет, дико ревновал к кино. Мотыль снимал «Звезду пленительного счастья» и пришел предлагать Гончарову роль генерала Раевского. А заодно попросил и меня отпустить на этот фильм. Гончаров, конечно, отказался сниматься, но меня отпустил, хотя и не без сложностей.

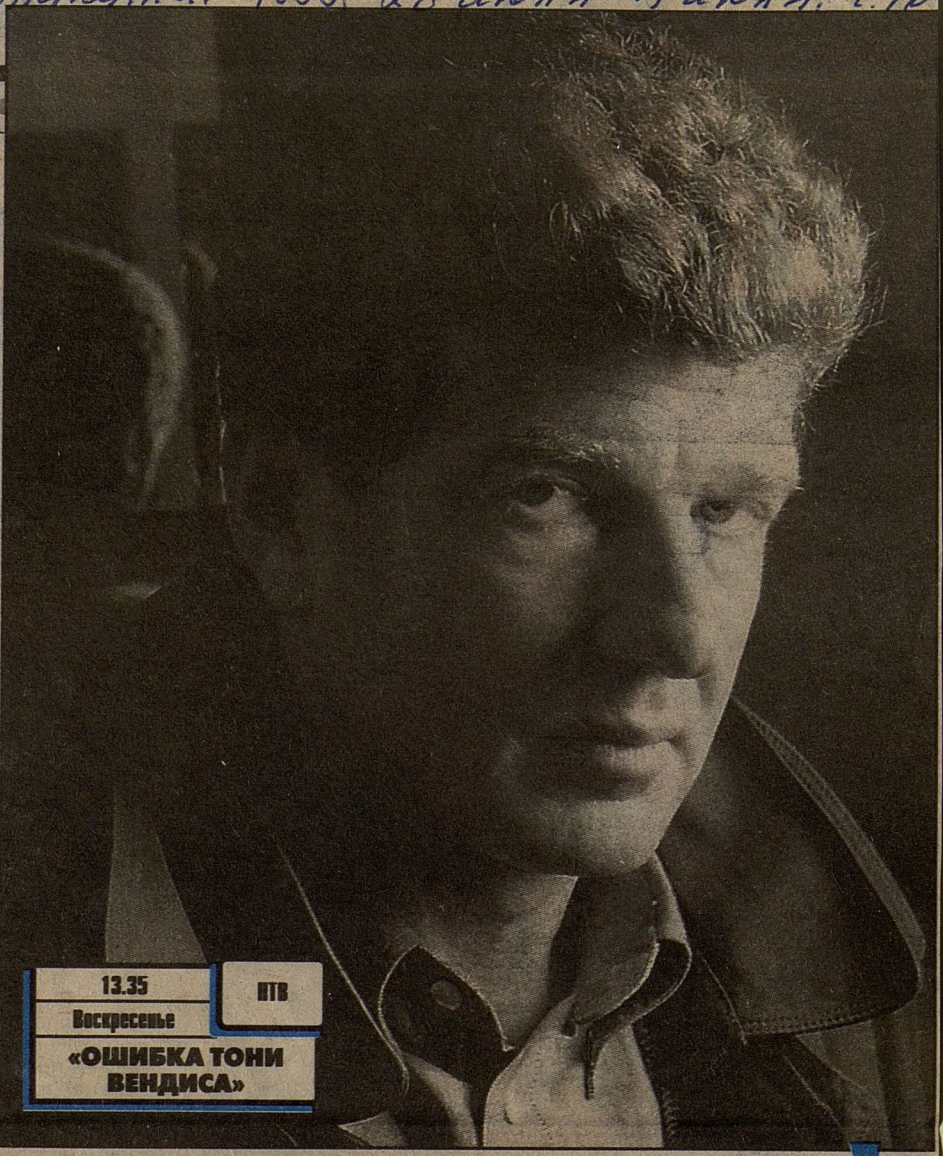
— С Мотылем тоже не просто работать?

— Я не видел в этом деле людей с простыми, легкими характерами. И это нормально. Когда Мотыль снимал «Звезду пленительного счастья», были всяческие идеологические барьеры. Это был фильм о декабристах, и все время вставал вопрос: кто такие декабристы? А чего они хотели? А что за конституцию они писали? Картина не раз была на грани закрытия. И требовать от Мотыля, чтобы он был со всеми лоялен, мил, нереально.

Успех - это опасно

— Трудно ли актеру пережить «медные трубы»?

— Это очень индивидуально. Свой первый успех я перенес достаточно не просто. Не был готов и ходил какой-то подавленный. Чувствовал огромную ответственность, как будто взял в банке гигантскую ссуду, которую не в силах вернуть. В этом состоянии я находился долгое время. Меня тяготило пристальное внимание. По натуре я не лидер, не

13.35 ПТВ
Воскресенье
«ОШИБКА ТОНИ ВЕНДИСА»

КОСТОЛЕВСКИЙ: *Игорь* Я СЕБЯ НЕ ЦЕЛОВАЛ

вожак, люблю быть в стороне и наблюдать.

— А как быть актеру, если он не реализован?

— Трудно. Если актер пьет, то начинают депрессии, болезни, психические отклонения. Особенно не просто людям, которые вкусили успех, имели много интересной работы, а потом все потеряли. Думаю, что когда наступают моменты безвременья, нужно иметь мужество верить, что все наладится и что-то продолжать делать.

— Может ли актер, переживая ситуацию своего персонажа, получить сердечный приступ?

— Ну, наверное, сцена и отличается этим от сумасшедшего дома, что ты можешь контролировать себя. С одной стороны, погружен в образ, но ты же актер, чувствуешь реакцию зрительного зала, а если актер, как сомнамбула, не контролирует себя — это уже вопрос к психиатру.

— Трудно заснуть после спектакля?

— Я знаю способы, как выходить из этого. Если работаешь с хорошим режиссером, вы вместе верно выстраиваете роль и задуманное получается, то и настроение хорошее. Если что-то не сложилось, тогда и причина для расстройства есть.

— Игорь, что вы сейчас репетируете?

— «Нору» Ибсена. Ставит спектакль Хейфиц. Женя Симонова играет Нору, я — ее мужа.

— В рекламе отказываетесь сниматься?

— Я не снимаюсь в рекламе не из-за чистоплюйства. В таких съемках нет ничего стыдного. Просто меня пока жизнь

не заставила. Может, заставит... Никогда не говори «никогда».

Сын своей жены

— Вы работали в Норвегии?

— Да, я год играл в Норвегии, потом полгода в Швейцарии, в Женеве. Этот спектакль — греческую трагедию Эсхила «Орестея» — поставил Франсуа РОШЕ. Позже играл у Питера ШТАЙНА, тоже «Орестею».

— На каком языке?

— На норвежском и французском, а репетировал на английском. Это был интернациональный проект. Я играл две роли: вестника и Аполлона.

— Норвежский язык выучили? Ведь он безумно трудный?

— Выучил только роль по-норвежски. Потом я поехал к этому же режиссеру играть спектакль «В ожидании Годо» на французском языке. Затем Франсуа Роше приехал в Россию, и я играл девятилетнего мальчика в его спектакле «Виктор, или Дети у власти».

— Как это?

— Вот так (смеется). Я, взрослый человек, играл девятилетнего ребенка, который открывает мир взрослых. А моя жена, актриса Елена РОМАНОВА, играла мою маму. Спектакль ставился в Театре сатиры.

— В детстве вы хотели быть актером?

— Нет. Я учился в строительном институте и пошел в театральный из-за девушки, в которую был влюблен. Она считала, что я должен быть гуманитарием. Родители были в шоке, когда я ушел из строительного.

— А как они потом отнеслись к вашим успехам?

— Мама нормально, отец более скептически. Они вообще у меня люди сдержанные. Отца уже нет, а мама смотрит фильмы с моим участием, когда они идут по телевидению. Ей нравится.

— Кем были ваши родители по профессии?

— Отец всю жизнь работал в Министерстве внешней торговли, а мама занималась языками. Они подолгу жили за границей. Мой старший брат (на 11 лет старше) родился в Бельгии, окончил геологоразведочный институт.

— А ваш сын?

— Ему 15 лет, он не собирается быть актером, считая, что два актера в семье, это уже слишком много. Он ходит на мои спектакли, имеет на все свою точку зрения.

— С женой Еленой Романовой вы играете в одном театре, а познакомились, наверное, на картине «Отпуск за свой счет»?

— Нет, мы там вместе снимались, а познакомились гораздо раньше.

— Как жена выдерживает натиск ваших поклонниц?

— Она — умный человек. Тут ведь важно, как я сам отношусь к этому. Всякое бывало. И приезжали, и письма писали, и входную дверь заклеивали фотографиями. Когда я снялся в сериале «И это все о нем», получал по 300 писем в день. Школу популярности уже прошел и от этого не схожу с ума. Я не из тех актеров, которые говорят: «Я себя целовал, уходя на работу».

Звезду расспрашивала Надежда РЕПИНА